

Вид на реку Великую и Лысую гору.

М.Т.Маркова

Власть и Псковское дворянство в 1917-1927 гг.

ПО ДАННЫМ «Памятной книжки 1913-1914 годов», в Псковской губернии на каждые 1000 жителей приходилось 914 крестьян, 62 мещанина, 9 дворян и чиновников, 6 лиц духовного звания, 5 почетных граждан и купцов. Население губернии составляло 1422758 человек. Простые арифметические действия позволяют подсчитать количество дворян и чиновников - 158 тысяч.¹

По данным Н.Никитина, президента Псковского землячества в Санкт-Петербурге, до революции в Псковском крае 1329 имений принадлежали петербургской знати. Действительно, нетрудно установить принадлежность многих имений князьям Шаховским, Гагаринным, Салтыковым, графам Строгановым, Янковским, Каменским, Гейденам, баронам Розен, Вревским, Медемам, Остен-Саккенам и т.п. Владельцами крупных имений были Елагины, Зубчаниновы, Новосильцевы,² Корсаковы, Карамышевы, Зарины. Но основная масса были мелкопоместными дворянами: на каждое имение приходилось от 221 дес. до 1285 дес.³ При

Маркова Маргарита Тимофеевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского государственного педагогического института им.С.М.Кирова.

этом 54 % всех земель принадлежали дворянам, 41,8% - крестьянам и 4,2% - государству.⁴

Дворяне почувствовали себя очень неуютно в поместьях сразу после Февральской революции. Столичное дворянство покинуло их, уезжая в крупные города или за границу, оставляя имущество на попечение управляющих. Местная знать перебралась в Псков или уездные города. Но большинство осталось ждать решения земельного вопроса в своих усадьбах.

Второй Всероссийский съезд Советов 25 октября 1917 г. принял «Декрет о земле», по которому «помещичья собственность на землю отменялась немедленно и без всякого выкупа». Но в 242 крестьянских наказах говорилось о том, что «вопрос о земле во всем его объеме может быть решен только всенародным Учредительным собранием».⁵

По всей стране развернулось обсуждение проектов решения аграрного вопроса. В печати публиковались предложения крестьян о продаже земли через Крестьянский банк (как при Столыпине), другие требовали совершенно противоположного: создание «народного поля», на котором все работали бы по трудовой повинности, так как при разделе обязательно будут недовольные количеством и качеством полученной земли.⁶

После роспуска Учредительного собрания, на Третьем Всероссийском съезде Советов, был разработан механизм реализации «Декрета о земле». «Законом о социализации земли», утвержденном 27 января 1918 г., предусматривалось распределение земли по едокам (по уездной норме). Особо оговаривалась дальнейшая судьба «высококультурных имений», которые оставались нетронутыми. Во всех имениях проводился учет сельскохозяйственного инвентаря, все постройки переходили в ведение местных Советов. Основная мысль закона сводилась к тому, что «всякая собственность на землю отменяется навсегда, земля передается в пользование трудового народа». В разделе о порядке предоставления земли указывалось, что в первую очередь получают землю те, кто «желает работать на ней не для извлечения личных выгод, а для общей пользы». При этом получатель земли обязался не использовать наемных рук, а также должен был указывать, для каких целей ему требуется земля.⁷

Для понимания того, как шел процесс наделения дворян землей, напомним, что Декретом от 10 ноября 1917 г. отменялись все сословия, чины и звания; следовательно, дворяне становились гражданами Республики и уравнивались в правах с крестьянами и рабочими.

С февраля 1918 года закон о социализации земли стал проводиться в жизнь. Знакомство с архивными документами дает возможность выявить наиболее типичные варианты дальнейшей судьбы дворянских имений. Прежде всего повсеместно проводится опись имущества, сельскохозяйственного инвентаря, скота и построек дворянских имений. Затем местные Советы решают, какие из них могут быть отнесены к «имеющим культурные ценности». Например, в Гдовском уезде (в то время - Петроградской губернии) такой статус получили имения Гольцы, Веригино, Леонтьевское, в Псковской губернии признаются имеющими музейную ценность Пушкинский уголок, Елизарово, Снятная гора.⁹

Большинство имений передается трудовым коммунам. Показательна история имения Заудоба (Гдовского уезда), принадлежавшего дворянину В.К. Антипову. Здесь шесть семей бывших батраков избирают старшего, а имущество (постройки, скот, инвентарь) и землю (85 дес.) берут под «круговую поруку». Помещик просит оставить ему лошадь и корову, но батраки не соглашаются. Они требуют открыть закрома с зерном, но получают отказ. Тогда они избирают комиссию, которая поручила слесарю взломать замки, зерно было изъято и роздано. Затем идет раздача мебели в различные ведомства. Так, в Вейскую школу отправили 3 стола, 2 комода, 12 кресел, 3 оттоманки, 2 шкафа, 3 кровати; в военный

комиссариат - 5 столов, 3 шкафа, 6 кресел, 12 стульев, висячую лампу; в лесничество - 1 шкаф. Осуществляется распродажа инвентаря и скота. Все это происходит на глазах бывшего хозяина, которому разрешили жить в его доме и выделили участок земли по трудовой норме.¹⁰

Несколько иная судьба у имения Ктины, принадлежавшего последнему псковскому губернатору Б.Кошкарёву (иногда в документах - Капкарёву). Это одно из богатейших имений Гдовского уезда, в котором имелись двухэтажный кирпичный господский дом, дом управляющего, два дома для рабочих, два амбара, оранжерея, водогрейка, два ледника, конюшня, скотный двор, баня, кузница и т.д. Господский дом обставлен богатейшей мебелью (есть подробное описание зала, столовой, кабинетов, спален, комнаты бабушки, детской, библиотеки, веранды, кухни). В описи перечислены декоративные вазы, зеркала, люстры, старинная икона Казанской Божьей Матери и 30 картин. Земельный отдел оставляет управляющим имением К.Савельева, а батраки просят разрешить им остаться в имении, так как «идти им некуда». На базе этого имения был создан совхоз, в котором работало 58 человек, среди которых - несколько семей эстонцев.¹¹

Своеобразно складывались отношения между бывшей помещицей К.Дмишевич, хозяйкой имения Казино, и крестьянами, которые просили ее стать управляющей имением за плату 50 р. в месяц. Такое положение сохранялось до весны 1918 г., когда комбеды конфисковали скот и инвентарь.¹²

Более трагична судьба имения Щучка Гдовского уезда, прекрасно организованного лесного хозяйства, состоявшего из 17 построек различного назначения, в том числе охотничьих домиков (холодных и отапливаемых). Все это было передано Псковскому отделу Гублес. Но никто из губернских властей так и не заинтересовался хозяйством; постепенно дома были заняты пришлыми из Петрограда людьми.¹³

На базе некоторых имений стали создаваться *сельскохозяйственные школы*: например, в Порховском уезде - в имениях Вязье, Марьино Дубрава, Заозерье, Дирины Горки и др. Иногда организаторами трудовых коммун или *кооперативов* становились бывшие помещики. Среди них - К.Беккер, Н.Черениховский, Г.Гагарин.¹⁴ Довольно часто в имениях создавались *народные дома*, как, например, в Холмках, где был создан народный дом им.Ленина, объединивший библиотеку и школу для крестьян; руководила им княжна С.Гагарина.¹⁵

Прослеживается определенная закономерность в судьбе дворянских имений в 1918 г.: там, где хозяева остались, как правило, сохранились постройки, парки, инвентарь; там же, где имения были оставлены на управляющих или брошены на произвол судьбы, их постигла участь разграбления и уничтожения. Так, в воспоминаниях князя Г.Гагарина находим бытовые сцены ограбления Бельского Устья и Вольшова. В газете «Псковский вестник» есть сообщения о поджоге имений барона Вревского - Старое село, Врев, Голубово, Михалево, где погибли библиотека, собираемая с XVIII в., полотна художников Д.Левицкого, В.Боровиковского и старинные гравюры. Вековой парк пошел на дрова.¹⁶ Имущество графа Янковского, уехавшего из Порхова в Ригу, было частично разграблено, частично конфисковано новыми властями.¹⁷

Таким образом, в первые месяцы после осуществления «Закона о социализации земли» местные земельные отделы находили разнообразные пути передачи земли и сельскохозяйственного инвентаря крестьянам при условии коллективных форм владения (трудовые коммуны, совхозы, сельскохозяйственные школы). Как свидетельствуют документы, это позволяло дворянам, оставшимся в имениях, найти свое место в новой системе: они получали

небольшие участки земли, оставались в собственных домах, иногда выполняя функции руководителей коммун, кооперативов, народных домов.

Во время гражданской войны отношение местных властей к бывшим дворянам резко изменилось. С началом деятельности продотрядов и получением инструкций об изъятии излишков хлебных запасов в бывших усадьбах периодически осуществляются обыски и проверки ¹⁸ «по малейшему подозрению или по заявлению отдельных лиц об имеющихся излишках». Одновременно был введен мораторий на частные домовладения. Например, в Гдове было муниципализировано 129 домов (многие из них принадлежали дворянам), в которых разместились госпитали, больницы, школы, административные учреждения. Так, часть дома Ипатова была передана председателю Гдовского уездного Совета тов. Иванову, в доме Юдина разместился военный комиссариат, нижний этаж дома Семенова отвели под Совдеп, в доме Кукса разместилась уездная организация РКП(б).¹⁹ Документы об изъятии этих помещений подписаны Яном Фабрициусом. Осенью 1918 г. началась реквизиция теплых вещей. Для дворян было установлено следующее правило: «сдавать все пригодное из теплых вещей (валенки, полушубки, теплые одеяла), кроме того, что им самим необходимо».²⁰

Первые серьезные удары обрушились на псковских дворян в связи с покушением на В.И.Ленина 30 августа 1918 г. Незадолго до этого местные Советы зарегистрировали всех дворян-офицеров. Так, в Порховском уезде в списках оказалось 179 человек, из которых 23 получили возможность служить в Красной Армии в качестве командиров рот. Остальные до начала сентября проживали в своих имениях, а с началом красного террора были арестованы. Несколько дворян (Н.Милоданов, А.Гагаринский, И.Тидген) были расстреляны в ЧК, Н.Федоров умер в тюрьме, троим (Г.Гагарину, П.Гороку и П.Горбовскому) удалось бежать в Псков, а затем за границу.²¹ Вероятно, подобные сюжеты были и в других уездах.

Еще более тяжелым для псковского дворянства стал 1919 год, когда оно оказалось под ударами с обеих сторон. С одной стороны - это бесчинства белоэстонцев и Булак-Балаховича, по приказу которого были мобилизованы в армию молодые люди из зажиточных семей. В основном в армии белых оказались крестьяне и кушцы, но есть документы и о дворянах. Так, владелец имения Охотничье Г.Тетерсон, хозяин усадьбы Волчий Остров А.Конт, князь Салтыков, Коновницын и другие ушли за кордон вместе с белыми.²²

С другой стороны - это политика местных Советов по отношению к дворянам на неоккупированной территории. На основании Постановления СНК «О мобилизации буржуазного элемента» (февраль 1919 г.) и «О трудовом дезертирстве» (1920) дворяне наряду с другими «нетрудовыми элементами» привлекались к тяжелому физическому труду. В списках зарегистрированных для работ - сотни фамилий (по Новоржевскому уезду - 94, по Порховскому - 84). Все они были направлены на лесопильные и кожевенные заводы, на уборку урожая. Мобилизованным из города разрешалось жить дома, а привлеченные из усадеб «жили в казарме на пайке».²³

Невероятно повезло тем из дворян, которым удалось устроиться в значительно разросшийся в первые годы Советской власти управленческий аппарат (только в Порховском земельном отделе работало 97 человек).²⁴

Летом 1919 г. на территории Псковской губернии (Порховский, Опочецкий и Великолукский уезды) вспыхнуло восстание «зеленых банд», состав которых был очень пестрым: дезертиры из Красной и белой Армий, крестьяне, дворяне-офицеры. Все эти люди устали от войны и неразберихи, о чем свидетельствуют их лозунги: «Долой войну! Да здравствует частная собственность! Долой жидов и коммунистов!». Было введено осадное положение,

развернулись военные действия по разоружению отрядов, изымалось оружие, в населенных пунктах развешивались плакаты следующего содержания: «Пуля - врагам революции! Всех лиц, принадлежащих буржуазному классу и не несущих сейчас никакой общественно-полезной работы, немедленно арестовывать и направлять в губернский концлагерь!»²⁵

Привлекались дворяне и для выполнения таких работ, как в Гдове в декабре 1919 г. Здесь председатель уездного военкомата А.Воробьев издал следующий приказ: «Все безработные граждане - мужчины и женщины - 24 и 25 декабря обязаны явиться в управление Гдовской милиции для регистрации на работы по погребению жертв белогвардейского террора. Работы будут продолжаться с рассвета до наступления темноты».²⁶

И все же главным содержанием тогдашней политики по отношению к дворянству было экономическое разорение. Одним из таких шагов становится документ за подписью Я.М.Свердлова - «Об отмене наследования».²⁷ По нему «наследование как по закону так и по духовному завещанию отменялось. После смерти владельца... имущество становится достоянием республики. Нетрудоспособные родственники и супруги умерших получают содержание из оставшегося после него имущества». Можно представить, как много нарушений данного постановления было совершено на местах, так как документ не устанавливал размер доли имущества, которое идет на пособие! Значительному разорению подвергались дворяне в процессе осуществления постановления СНК от 16 апреля 1920 г., по которому проводилась конфискация благородных металлов, денег и различных ценностей.²⁸

Несмотря на столь суровые условия существования в годы гражданской войны, многие дворянские семьи выжили, остались в своих имениях, получив возможность обрабатывать землю (по трудовой норме в Псковской губернии - в среднем по 1,6 дес. на члена семьи). Определенная часть дворян служила в местном управленческом аппарате, работала по специальностям (юристы, врачи, учителя, инженеры).

Переход к новой экономической политике создал благоприятные возможности для аренды земли, приобретения сельскохозяйственного инвентаря и скота на основании закона от 24 мая 1922 г. «О трудовом землепользовании».²⁹

Примеров адаптации дворян к новым условиям много. Так, А.Тимченко, сын крестьянки и генерал-майора, погибшего в 1916 г., после конфискации имения сумел сохранить небольшой хутор. Работая вдвоем с матерью, купили инвентарь, лошадь, корову.³⁰ Некоторые дворяне пользовались имением только в летнее время, сдавая землю в аренду зажиточным крестьянам; например, сестры С.Самарова и А.Милова, проживающие постоянно в Петрограде, на лето приезжают в свое имение в Островском уезде.³¹ Значительное число дворян преклонного возраста доживают свой век в собственных гнездах, поручая вести хозяйство молодым управляющим. В документах сохранились имена Е.Вагатьевой (75 лет), А.Тизиген (76 лет), Ю.Якобсон (71 г.); психически больной А.Клокачев страдал в своем имении в Великолукском уезде. В некоторых поместьях собирались остатки некогда большого рода. Например, в имении О.П.Елагиной вместе проживали дочь, зять, внуки и племянницы.³² Случалось, что дети дворян вступали в брак с «простыми». Так, дочь дворянина Ю.А.Федерса вышла замуж за красноармейца, но вскоре овдовела и вернулась к отцу вместе с маленькой дочерью. Помещица Л.Покрышевская вышла замуж за простого учителя недворянского происхождения.³⁴

По-разному складывались судьбы дворян в мирное время. Некоторым удавалось вернуть ранее конфискованные дома. Например, О.Шелгунова с 12-летним сыном за 105 руб. выкупила собственный дом с постройками и наняла управляющего для ведения хозяйства. Помещик А.Флоринский докупил 7 построек в селе Панино за 290 руб.³⁵

Документы сохранили имена тех, кто искренне хотел помочь Советской власти в обустройстве новой жизни. Например, супруги Мария и Федор Фавелин-Вольф в собственном имении с.Емельяново устроили школу для крестьян, в которой сами работали учителями. Профессор медицины, 38-летний Н.Н.Тутолмин в собственном имении Средние Дубровки, Порховского уезда, организовал больницу, в которой оказывал помощь крестьянам и красноармейцам.³⁶ Восстановлению лесного хозяйства Опочецкого уезда посвятил себя генерал-майор И.И.Меницкий, проживая в имении своей жены Зоммер.³⁷

Как видим, бывшие дворяне (землевладельцы, офицеры и специалисты) «мирно врастали» в новые условия жизни. Такое положение сохранялось до 1924 г.

(Окончание следует)

Примечания

1. Памятная книжка. 1913-1914 гг. Псков, 1914. С.3.
2. ГАПО. Ф.110, оп.1.
3. ГАПО. Ф.203, оп.1, д.165, л.5-60.
4. Псковский край. Краеведный сборник. Псков, 1927. С.60.
5. Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1. С.18.
6. Деревенская беднота. - 1918, 20 января.
7. Декреты Советской власти. Т.1. С.406-420.
8. Там же. С.72.
9. ГАПО. Ф.1200, оп.1, д.2, л.10; ф.203, оп.1, д.41, л.6.
10. ГАПО. Ф.1249, оп.4, д.1, л.1, 6, 10, 18, 26, 28, 31, 42, 44, 46.
11. ГАПО. Ф.1249, оп.1, д.84, л.1-24.
12. ГАПО. Ф.1249, оп.1, д.92, л.8-16.
13. ГАПО. Ф.1249, оп.1, д.1114, л.10-25.
14. ГАПО. Ф.608, оп.1, д.27, л.23.
15. Гагарин Г.А. Воспоминания // Звезда. 1994, № 2.
16. Псковский вестник. - 1918, 16, 17 мая, 8 июня.
17. ГАПО. Ф.608, оп.1, д.27, л.303.
18. ГАПО. Ф.1200, оп.1, д.7, л.89.
19. ГАПО. Ф.1200, оп.1, д.6, л.55.
20. ГАПО. Ф.1200, оп.1, д.2, л.155.
21. ГАПО. Ф.608, оп.1, д.82, л.1,3,4,79.
22. ГАПО. Ф.203, оп.1, д.136, л.41; д.139, л.230; ф.1200, оп.1, д.102, л.23,27.
23. ГАПО. Ф.960, оп.1, д.36, л.42; ф.604, оп.1, д.74, л.1-5,55; ф.608, оп.1, д.27, л.10-18.
24. ГАПО. Ф.608, оп.1, д.32, л.100.
25. ПОЦАДПОД. Ф.1, оп.1, д.52, л.179-182.
26. ПОЦАДПОД. Ф.70, оп.1, д.12, л.13.
27. Декреты Советской власти. М.,1959. Т.2. С.185.
28. ГАПО. Ф.960, оп.1, д.36, л.109; Декреты Советской власти. М.,1976. Т.8. С.46.
29. Декреты Советской власти. Т.1. С.420.
30. ПОЦАДПОД. Ф.1, оп.1, д.114, л.48.
31. ГАПО. Ф.203, оп.1, д.131, л.32.
32. ГАПО. Ф.203, оп.1, д.41, л.1.
33. ГАПО. Ф.203, оп.1, д.136, л.30.
34. Там же. Л.48,57.
35. Там же.
36. ГАПО. Ф.203, оп.1, д.41, л.2; ф.608, д.917, л.50,64.
37. ПОЦАДПОД. Ф.1, оп.1, д.397, л.3.